

Насколько Сун Чжимин помнил, у бабушки в комнате стояла небольшая деревянная шкатулка для косметики. Внутри хранилось множество старинных фарфоровых флаконов, к которым она строго-настрого запрещала притрагиваться внукам. В детстве Чжимин не понимал, что в них налито, но теперь, вспоминая благородное происхождение старухи, кое о чём догадывался.

Сун Чжимин сердито буркнул что-то в ответ и принялся хлебать безвкусный куриный бульон.

На следующее утро, едва раздался призывный звон колокола на работу, все трудоспособные жители деревни потянулись в поле. Младшие дети семьи Сун тоже разбежались — кто в школу, кто по делам.

Чжимин на удивление рано поднялся с постели. Мать, Чэнь Сюфан, перед уходом на работу успела по несколько раз повторить ему одни и те же наставления.

— С молодым господином Суном води себя почтительно, — зудела она. — Старейшина Сун хоть и лишился прежнего влияния, но в своё время многим помог. У него такие связи! Если хоть малая доля этого богатства перепадёт нашей семье, мы до конца дней нужды знать не будем.

Чжимин мысленно посмеивался над наивностью матери, но вслух покорно согласился:

— Понял я, понял. Иди уже на работу. Как все разойдутся, я сразу отнесу.

Чэнь Сюфан ушла со спокойной душой, даже не подозревая, какие тёмные мысли роились в голове её сына.

Дождавшись, пока дом опустеет, Сун Чжимин прокрался в комнату деда и бабки. После недолгих поисков и перетряхивания вещей в комод он всё-таки нашёл то, что искал.

Время не пощадило деревянную шкатулку, однако сквозь потёртости всё ещё проглядывали благородный блеск красного лака и перламутровая инкрустация. Все фарфоровые флаконы аккуратно лежали внутри, уложенные один к одному.

Чжимин жадно провел пальцами по крышке, открыл её и принялся перебирать пузырьки, вчитываясь в полустёртые надписи на наклейках.

Он выбрал снадобье со средним, не слишком опасным действием и капнул его в куриный бульон. Убивать кого-то он не собирался — всё-таки за мокруху светил расстрел, — но вот опозорить Сун Чжиши прямо во время выступления было бы славно. Глядишь, парня с треском вышвырнут из ансамбля.

Тем временем артисты ансамбля песни и пляски уже ехали в двух автобусах, предоставленных для поездки из уезда Шанъян в уезд Фуци, напрямик к Большому актовому залу войсковой части.

Сун Чжиши глядел в окно, размышляя о превратностях судьбы: кто бы мог подумать, что всего через несколько дней после отъезда из Фуци он снова вернётся в эти края.

В прошлой жизни он пел в хоре. Тогда директор Ли Фэнчунь строго-настрого запретил новичкам выходить на сцену в столь важном концерте. Чжиши и без того тяготился службой в ансамбле, поэтому с радостью остался в казарме. В итоге он лишился положенного после выступления отпуска, не смог навестить вторую сестру, что повлекло за собой целую вереницу неприятностей.

Встречавший их молодой солдат показался Чжиши незнакомым, зато сам боец уставился на него с нескрываемым изумлением и долго не мог отвести глаз.

Лишь когда артистов проводили за кулисы, паренёк наконец пришёл в себя и пробормотал под нос:

— Глаза меня не обманывают? Неужели это действительно Сун Чжиши приехал выступать?

Он хлопнул себя по лбу:

— Батюшки, так слухи в военном городке оказались чистой правдой! Надо срочно рассказать брату Ляю!

Шахтерский ансамбль песни и пляски Шэньгань существовал от силы год. Весь прошлый сезон труппа колесила по деревням с благотворительными концертами, и нынешнее выступление в День народно-освободительной армии Китая должно было стать их первым выходом на настоящую большую сцену. Перед полным залом кадровых военных волновались все без исключения. За кулисами повисла звенящая тишина — атмосфера была натянута как струна, артисты переговаривались исключительно полусшёпотом.

Танцовщицы давно переоделись в серые гимнастёрки и успели несколько раз прогнать свои номера на сцене. На общем фоне выделялась лишь хмурая Ян Хуэйцин. Видя её недовольное лицо, новобранцы старались держаться подальше, чтобы ненароком не попасть под горячую руку.

Су Пин, заметив её состояние, тихонько шепнула на ухо:

— Ну ладно тебе, Хуэйцин, брось дуться. Каким бы талантливым ни был этот Сун Чжиши, дорогу тебе он точно не перейдёт.

Только тогда лицо Хуэйцинь слегка разгладилось. Подруга дело говорила: сейчас весь коллектив держался исключительно на её мастерстве. За последние дни она и сама пришла к выводу, что капитан Чжу Фанцзе может недолго любить её сколько угодно, но обойтись без неё не сможет. Не самой же этой сорокалетней бабе скакать по сцене.

Вглядываясь в своё отражение в гримёрном зеркале, Хуэйцинь горделиво улыбнулась.

— И то верно, — процедила она, поправляя воротничок. — Сегодня я выложусь на полную. Пусть посмотрят, на что я способна! Кресло заместителя капитана ещё заслужить надо, абы кого туда не посадят.

К воинской части они прибыли рано, около восьми утра. За хлопотами и репетициями незаметно подкрался обеденный перерыв. Прямо посреди трапезы директора Ли Фэнчуня вызвал дежурный связист. Спустя пару минут директор вернулся, сияя от радости.

— Так, товарищи, отставить разговоры и слушать меня внимательно! — зычно объявил он. — Сегодня вечером выложиться нужно не на сто, а на все двести процентов. Из провинциального центра едет высокое начальство, будут смотреть наш концерт!

— Да ладно! Неужели правда?

— А кто именно приедет?

— Небось, сам командир дивизии пожалует?

Девчата тут же возбуждённо зашебетали, перебивая друг друга.

Ли Фэнчунь прижал к груди любимую эмалированную кружку и шутливо пригрозил пальцем:

— Поменьше вопросов, девчонки! Скажу одно: люди солидные, шутить с ними не стоит. Так что марш на репетицию. Если кто сегодня запрет выступление — лишу премии без разговоров. А те, кто отличится, получат хорошую прибавку!

У Ян Хуэйцинь внутри точно моторчик заработал. Едва она загорелась мыслью вернуть себе место заместителя, как судьба подбросила такой шанс — визит высокого провинциального руководства! Если ей удастся приглянуться важному гостю, даже капитан Чжу Фанцзе в будущем поостережётся вставлять ей палки в колёса.

Для сегодняшней программы они подготовили легендарный революционный балет «Красный женский отряд», поставленный по мотивам одноимённого кинофильма.

После триумфальной премьеры Китайского национального балета в 1964 году этот спектакль

гремел по всей стране. Во всех крупных городах пытались повторить его успех, но для города Хэло это была первая полноценная постановка. Именно поэтому организаторы сделали её гвоздём программы и оставили на самый конец.

Ян Хуэйцинь досталась главная партия — она играла У Цюнхуа, простую деревенскую девушку, которую помещик насильно угнал в рабство, но благодаря помощи Красной армии она сумела вырваться на свободу и стать отважным бойцом женского отряда.

Эту партию они отрабатывали до изнеможения, так что Хуэйцинь ни капли не сомневалась в успехе.

Тем временем Сун Чжимин, обливаясь потом, тащил заветный термос с супом. Он протопал пешком не один десяток ли, пока наконец не добрался до ворот воинской части. Вот только выбежал из дома он в спешке, позабыв выписать рекомендательное письмо, так что бдительный часовой на КПП наотрез отказался пускать его на территорию.

Чжимин исходил от злости и нетерпения: если он не передаст этот проклятый бульон, весь его хитрый план по дискредитации кузена полетит к чертям.

— Слушай, товарищ, ну правда же! — канючил Чжимин, заглядывая часовому в глаза. — Я просто принёс домашний суп для своей двоюродной сестры. Мы сто лет не виделись, пожалей родственников!

— Сказано же тебе: проваливай, — отрезал хмурый дежурный. — Торчишь тут уже два часа, глаза мозолишь. Ещё раз пикнешь — я прямо сейчас позвоню секретарю твоей бригады, живо тебя оформят куда надо.

Сун Чжимин готов был на колени встать, лишь бы вымолить поблажку:

— Клянусь, я шагу за ворота не сделаю! Буду стоять здесь, смирно как вкопанный! Моя сестра — Хэ Цзяоцзяо, она артистка из ансамбля, приехала к вам на концерт. Я только отдам ей термос и сразу уйду, честное слово!

Солдату порядком надоело препираться с настырным посетителем. Он смерил его недоверчивым взглядом:

— Не врёшь?

Почуввав, что лёд тронулся, Чжимин расплылся в заискивающей улыбке:

— Истинная правда! Клянусь головой!

Посоветовавшись, караульные решили, что этот тщедушный деревенский парень вряд ли представляет угрозу национальной безопасности.

— Ладно, — нехотя согласился один из них. — Стой тут. Я пошлю дежурного, пусть позвонит твою сестру. Но говорить будете строго за воротами КПП, ясно?

Когда Хэ Цзяоцзяо сообщили, что её ждут у ворот, она совсем растерялась.

Памятный скандал, который этот олух устроил у всех на виду, до сих пор стоял у неё комом в горле. Слава богу, великодушный Сун Чжиши не стал держать на неё зла и даже сохранил с ней дружеские отношения. Вернувшись домой, Цзяоцзяо сразу пожаловалась родителям, и те строго-настрого наказали её держаться от Сун Чжимина подальше. И надо же было ему притащиться сюда, прямо в часть!

Увидев кузину, Чжимин мысленно возликовал: победа была близка. На его лице расплылась улыбка, но из-за узких, лисьих глаз она выглядела не дружелюбной, а скорее подлой и заискивающей.

— Цзяоцзяо, сестрёнка! — запричитал он, делая шаг навстречу. — Я после того случая места себе не находил, всю душу извёл раскаянием. Глупец был, каюсь! Вот, матушка с утра свежий куриный бульон сварила, так я со всех ног бросился к тебе, чтобы порадовать.

— Не нужно мне ничего, — сухо ответила Хэ Цзяоцзяо, сделав шаг назад. — Да и перед кем ты извиняешься?

— Так я ведь и для Чжиши порцию прихватил, — быстро вставил Чжимин.

— Ты правда пришёл просить прощения? — с недоверием прищурилась она.

— Да разве ж я стану тебе врать? Посмотри сама, наваристый какой, на медленном огне несколько часов томился! Ну же, прояви уважение к старшему брату, сделай хоть глоток.

С этими словами Чжимин ловко свинтил крышку армейского термоса. Наружу вырвался густой, аппетитный аромат наваристого куриного жира. Всё это время он нёс термос за пазухой, так что по дороге суп не только не остыл, но и не скис, несмотря на летнюю жару.

Глядя на его заискивающее лицо и вдыхая дразнящий запах еды, Цзяоцзяо мало-помалу начала сдаваться.

Хотя в ансамбле кормили неплохо, домашнего наваристого бульона там не давали. К тому же

строгий капитан Чжу Фанцзе заставила её сесть на жёсткую диету для похудения. Хэ Цзяоцзяо уже несколько дней жила впроголодь и заметно осунулась. При виде лоснящейся янтарной плёнки на поверхности супа у неё предательски потекли слюнки.

Немного посомневавшись, она всё-таки протянула руку и взяла термос:

— Ну хорошо. Спасибо, брат Чжимин. Я обязательно выпью.

Чжимину этого показалось мало. Боясь, что девчонка просто выбросит гостинец, он засуетился:

— Чего откладывать-то? Давай прямо сейчас, при мне выпей хоть немного, а то у меня сердце не на месте.

Говоря это, он незаметно спрятал за спину второй контейнер — тот самый, на котором сделал специальную пометку.

Цзяоцзяо не уловила подвоха. Поднеся крышку-пиалку к губам, она сделала несколько жадных глотков. Бульон оказался невероятно вкусным.

Добрая и простодушная по своей натуре, она укорила себя за то, что так плохо думала о двоюродном брате.

— Очень вкусно! — искренне улыбнулась она. — У тётушки золотые руки, с каждым разом всё лучше получается.

— Сестрёнка, ты уж передай Чжиши мои самые искренние извинения за тот случай. Бес попутал, ума не приложу, что на меня тогда нашло, — сокрушённо запричитал Чжимин. — Сам я войти на базу не могу, так что вся надежда на тебя. Отдай ему вот эту порцию, ладно? А я, пожалуй, пойду.

Он без умолку трещал о кузене, приплетая выдуманные истории об их общем детстве, пока доверчивая Цзяоцзяо окончательно не поверила в его искренность. Она согласно кивнула и пообещала во всём помочь.

Стоило Сун Чжимину скрыться за поворотом, подальше от ворот части, как напряжение отпустило его. Сердце бешено колотилось, а одежда на спине взмокла от холодного пота.

Но дело было сделано. Раз уж за дело взялась сама Цзяоцзяо, этот чистоплюй Сун Чжиши ни о чём не догадается и обязательно выпьет отраву.

А уж тогда...

Чжимин обернулся, бросил злобный взгляд на удалявшуюся фигуру кузины и мерзко, беззвучно рассмеялся.

Хэ Цзяоцзяо, приняв слова брата за чистую монету, отыскала Сун Чжиши и увлекла его за собой в тихий, заросший кустарником уголок парковой зоны у казарм.

— Он правда так и сказал? — недоверчиво спросил Чжиши.

— Да, уверяю тебя! — закивала головой Цзяоцзяо, протягивая ему термос. — Попробуй, бульон ещё тёплый. Не бойся, я сама его пила, очень вкусно!

Сун Чжиши, выросший в роскоши и повидавший на своём веку немало изысканных деликатесов, к простому крестьянскому угощению остался равнодушен. К тому же полуденный зной стоял невыносимый, а плотный обед ещё не успел перевариться. Один лишь вид плавающих в термосе жирных кружков начисто отбивал аппетит.

Раскаивался ли его кузен на самом деле — вопрос спорный. Но Чжиши прекрасно знал мстительный и мелочный характер Сун Чжимина. Тот привык копить обиды годами, и надеяться, что он решит загладить вину банальной похлёбкой, было по меньшей мере глупо.

— Ладно, — вздохнул Чжиши, отстраняя угощение. — Так и передай своему брату: я на него зла не держу, но суп пить не стану. Да и тебе советую побереечь себя — капитан Чжу три шкуры с нас спустит, если заметит лишние граммы на талии!

Цзяоцзяо густо покраснела, укоряя себя за безволие. Как она могла так легко поддаться на уговоры? Стоило Сун Чжимину наговорить ей ласковых слов, как она тут же умяла целую пиалу жирного супа, да ещё и закусила сочным окорочком! Если об этом прознает капитан Чжу Фанцзе, нагоняя не избежать.

Попереживав, девушка невольно восхитилась стойкостью Сун Чжиши. "Не зря капитан Чжу так высоко его ценит", — подумала она с благоговением. Мысли её окончательно переключились на грядущее выступление, и она даже не подумала о том, что делать с оставшимся супом.

Сун Чжиши поспешил вернуться в гримёрку, даже не подозревая, что в густой тени деревьев неподалёку отдыхали двое военнослужащих. Каждое их слово было подслушано до последнего слога.